

Холодное свечение экрана подсвечивало искажённое, побледневшее лицо Юй Сянхана.

Кадр в ленте новостей был выхвачен идеально. На заднем плане расплывались фигуры ликующих зрителей, а в самом центре композиции Чжоу Цзыфэй в гоночном комбинезоне сжимал в ладонях лицо Шэнь Цзя, вовлекая его в глубокий, страстный поцелуй.

Огненно-рыжие волосы ярко вспыхивали под полуденным солнцем. Шэнь Цзя, обвив руками шею Чжоу Цзыфэй, прижмурился и чуть приподнял голову — на его лице читались абсолютное доверие и нежность.

Заголовок статьи резал глаза:

«Знаменитый гонщик Чжоу Цзыфэй после победы страстно поцеловал своего возлюбленного: пара не скрывает чувств!»

С глухим стуком телефон полетел на соседнее сиденье.

В салоне машины воцарилась мёртвая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым, рваным дыханием Юй Сянхана, похожим на хрип дырявых кузнечных мехов.

Он уставился на снимок. Белки его глаз налились кровью.

Та самая безграничная преданность, которую Шэнь Цзя прежде дарил только ему, теперь без остатка досталась другому. Этот человек, этот Чжоу Цзыфэй, отобрал у него всё, что принадлежало ему по праву.

С того самого утра, когда они столкнулись у дверей Шэнь Цзя, бывший муж отдалялся всё сильнее. Шаг за шагом. Угасала улыбка, исчезал ласковый взгляд, рушились надежды на общее будущее...

Почему?

За какие заслуги именно он?

Почему он сам, Юй Сянхан, должен сходить с ума от раскаяния и нищеты, превращаясь в живой труп, пока Шэнь Цзя счастливо улыбается в объятиях другого мужчины?!

Тёмная, безумная и предельно отчётливая мысль ядовитым вьюном обвила его сердце:

«Вот бы Чжоу Цзыфэй просто исчез...»

Если этого человека не станет, разве Шэнь Цзя не взглянет на него снова? Разве... всё не вернётся на круги своя?

Эта мысль, обладающая разрушительной силой, в мгновение ока сметя остатки разума, полностью завладела им.

Вечернее небо, подобно куску промокшей серой мешковины, грузно нависло над городом.

Сегодня был первый день, когда Шэнь Цзя вернулся к работе.

Изначально сердце у него было не на месте: он опасался пристальных взглядов коллег и неловких расспросов. К счастью, тревоги оказались напрасными. В детском саду всё шло своим чередом. Сослуживцы, не видевшие его долгое время, лишь тепло улыбались, здоровались и тут же возвращались к своим делам. Эта молчаливая деликатность помогла Шэнь Цзя наконец расслабиться.

По коридорам прозвенел звонок, знаменующий окончание занятий.

В игровой комнате Шэнь Цзя расставлял по местам последние сказки. Его пальцы мягко коснулись обложки с забавным улыбающимся медвежонком. За дверью, подобно стайке звонких пташек, выстроились дети, ожидая родителей.

Он снова невольно взглянул на окно, вспомнил сообщение, пришедшее полчаса назад:

«Малыш, жди меня, скоро буду».

В конце сообщения красовался знакомый стикер с довольным щенком, виляющим хвостом.

Губ Шэнь Цзя коснулась невольная улыбка, и даже тусклый серый свет за стеклом показался ему уютным.

Постепенно шум в детском саду утих. Помещения погрузились в тишину.

Шэнь Цзя вглядывался в улицу за оградой, но знакомой машины всё не было. Он сжал телефон в руке, чуть нахмурившись. Чжоу Цзыфэй никогда не опаздывал. А если что-то и случилось, всегда предупреждал заранее.

Внезапно —

Грянул громовой раскат. Без всякого предупреждения на землю обрушились стены проливного дождя.

Шэнь Цзя стоял под навесом, всматриваясь в пелену ливня. Каждая проносившаяся мимо фигура заставляла его сердце подпрыгивать и тут же тоскливо замирать.

Смутное беспокойство закралось в душу.

Телефон в руке ожил. На экране высветилось имя: «Чжоу Цзыхуань».

Грудь Шэнь Цзя сжало дурным предчувствием. Кончик пальца, скользнувший по экрану, мгновенно похолодел.

— Алло, Шэнь Цзя. Только не паникуй, послушай меня... — Голос Чжоу Цзыхуань на том конце провода звучал собранно, но в нём проскальзывало натяжение. — Цзыфэй попал в аварию. Ничего смертельного, мы уже в Городской больнице, ты...

Остальные слова будто заглушило толстое стекло.

Шэнь Цзя почувствовал, как кровь в жилах застыла. Страшное предчувствие оправдалось.

Даже не ответив, он схватил рюкзак и выбежал под проливной дождь, совершенно забыв про зонт.

Отрывистые фразы из динамика, точно осколки льда, впились в сознание:

Авария... Реанимация... Без сознания...

В такси городские пейзажи за окном стремительно неслись назад, сливаясь в сплошные размытые пятна.

К горлу подступала тошнота. Шэнь Цзя сжал кулаки так, что побелели костяшки. Водитель через зеркало заднего вида то и дело поглядывал на мертвенно-бледного юношу, пытаясь заговорить, но Шэнь Цзя словно отгородился от всего мира. Он лишь сильно закусил нижнюю губу, не в силах остановить дрожь в челюсти.

Неужели судьба действительно настолько жестока, что снова отберёт счастье, к которому он только-только прикоснулся?

В глазах зажгло. Он резко опустил голову и до боли вонзил ногти в собственное предплечье. Острая вспышка боли заставила загнать слезы обратно.

Нельзя плакать. Только не сейчас.

Однако ледяной страх беззвучной волной проникал всё глубже, отравляя каждую клетку тела. Шэнь Цзя судорожно сплёл пальцы, но так и не смог унять дрожь, бьющую его изнутри.

Больничный коридор встретил его едким запахом дезинфицирующих средств и медикаментов.

Шэнь Цзя вбежал в отделение совершенно мокрый. Темные волосы облепили щеки, с прядей капала вода. В глазах, обычно излучавших тепло, застыл дикий испуг, обескровленные губы подрагивали.

Чжоу Цзыхуань тут же шагнула навстречу и подхватила его за плечи, не дав упасть.

Ледяные пальцы Шэнь Цзя мёртвой хваткой вцепились в её рукав — так сильно, что на тыльной стороне ладони проступили вены.

— Ка-как он...? — прошептал он едва слышно.

Чжоу Цзыхуань взяла себя в руки, стараясь говорить спокойно:

— Его сбили на втором перекрёстке возле детского сада. Только что увезли в операционную, точных данных пока нет.

Она сделала паузу и добавила:

— Водитель утверждает, что это вышло случайно. Он приехал вместе с нами...

Не успела она договорить, как взгляд Шэнь Цзя приковало к фигуре, сидевшей в самом конце длинного коридора.

Человек на скамейке сидел, низко опустив голову. Взъерошенные волосы, грязная одежда... Но это лицо Шэнь Цзя узнал бы из тысячи.

Юй Сянхан.

И без того бледное лицо Шэнь Цзя окончательно лишилось красок. В груди будто проволокой скрутило лёгкие, отзываясь тупой, невыносимой болью.

Ужасная мысль мгновенно прожгла разум: это он виноват. Это он навёл беду на Чжоу Цзыфэй.

Если бы не он, Чжоу Цзыфэй никогда бы не пересекся с этим безумцем.

Эта догадка едва не сломила его. Жгучая волна подкатила к глазам, и Шэнь Цзя со всей силы придавил костяшками пальцев глазницы, оставляя на коже багровые отметины, лишь бы не дать слезам выплеснуться наружу.

Когда он вновь поднял взор, в его глазах не осталось ничего, кроме звенящей, ледяной ненависти.

— Юй Сянхан, ты ведь сделал это намеренно?

Он приближался шаг за шагом. Голос звучал тихо, сдавленно, с пугающим, с трудом удерживаемым спокойствием.

Юй Сянхан медленно поднял голову. Встретившись с этим полным ненависти взглядом, он вздрогнул всем телом, словно его проткнули насквозь.

— Что значит... намеренно? — пробормотал он, кривя сухие губы. Затем его голос резко сорвался на крик: — Это всё он! Чжоу Цзыфэй сам меня провоцировал! Он заслужил! Он ведь у нас великий гонщик, да?! Так разве не смешно, что крутого гонщика сбила машина?!

Шэнь Цзя размахнулся и отмашисто ударил его по лицу.

Звонкая пощёчина эхом разнеслась по коридору. От ярости и липкого ужаса рука Шэнь Цзя застыла в воздухе, крупно дрожа.

Внутри него билась лишь одна отчаянная мысль, превратившаяся в молитву:

«Чжоу Цзыфэй выживет. Он обязательно выживет!»

— Ты... ударил меня?

Юй Сянхан сидел, отвернув голову. На щеке проступал багровый след от пальцев. Он замер на несколько секунд, а затем с изумлением уставился на Шэнь Цзя, который впервые в жизни поднял на него руку.

Накопленная обида и злоба окончательно вырвались наружу, превращая его речь в безумный поток:

— Не нужно было мне спасать тебя тогда! Тварь неблагодарная! Шэнь Цзя, поделом тебе, что тебя гнобили! Твоя мать правильно сделала, что бросила тебя!

Он наконец выплеснул всю свою зависть:

— Почему... Почему после того, как ты ушёл от меня, у тебя всё складывается отлично?! А я потерял абсолютно всё!

Человек, когда-то бывший самым близким, сейчас сыпал проклятиями, а его лицо исказилось, как у оскалившегося беса.

Шэнь Цзя охватило чувство глубокой нереальности происходящего. Земля уходила из-под ног.

Словно всё вокруг было дурным сном.

Даже те редкие светлые воспоминания, где Юй Сянхан когда-то выручал его и за которые Шэнь Цзя в глубине души всё ещё был благодарен, сейчас со звоном разбились вдребезги.

— Не хочешь возвращаться, да? Отлично... Сегодня я сбил Чжоу Цзыфэй, а завтра поеду к твоему детскому саду! Там ведь так много детей—

Юй Сянхан окончательно свихнулся.

Слушая эти помешанные угрозы, Шэнь Цзя медленно сжал пальцы в кулак. На смену страху пришло острое чувство абсурдности.

Как он мог любить такого человека? Как мог раз за разом проявлять к нему жалость?

В следующий миг Шэнь Цзя с силой впечатал кулак прямо в лицо Юй Сянхана!

Костяшки со скрежетом врезались в переносицу. Юй Сянхан от мощного удара отлетел в сторону и тяжело завалился на больничную скамью.

— Юй Сянхан... выслушай меня внимательно.

Шэнь Цзя тяжело дышал. Его голос звучал поразительно ровно, но разил, точно вымоченный в яде клинок:

— Я больше не люблю тебя. И чьей бы жизнью ты ни угрожал, я никогда не вернусь.

Он шагнул вперед, рывком поднял Юй Сянхана за воротник и изо всех сил швырнул его спиной о стену.

На этом обычно мягком, улыбчивом лице впервые проступило выражение настоящей, беспощадной ярости.

— Так что, Юй Сянхан, молись. Молись, чтобы Чжоу Цзыфэй выкарабкался.

В коридоре установилась гнетущая тишина, нарушаемая лишь сдавленным сопением Юй Сянхана и стуком капель крови, падающих на пол.

Он бессильно облокотился об облупившуюся штукатурку. Кровь, сочившаяся сквозь пальцы, расплывалась по светлому кафелю яркими пятнами.

Размазывая юшку по лицу, он поднял налитые кровью глаза на стоящего перед ним Шэнь Цзя и дрожащими губами вытолкнул вопрос, который терзал его все эти месяцы:

— Почему... Почему мы не можем начать сначала? Ты... ты правда полюбил Чжоу Цзыфэй?

Шэнь Цзя неподвижно стоял под холодным светом люминесцентных ламп. Черные волосы подчеркивали болезненную бледность кожи, а в глазах застыла корка льда. Утонченные черты его лица словно застыли, не выражая ни единой эмоции.

— Да.

Ответ прозвучал без малейшего колебания.

— Я давно его люблю.

Эти простые слова подвели черту, окончательно разорвав последнюю паутину надежд Юй Сянхана.

Хотя с момента развода прошло полгода, хотя Шэнь Цзя уже давно всё объяснил, хотя пора было смириться... Только сейчас, услышав это вслух, Юй Сянхан осознал: между ними всё кончено. Навсегда.

Годы, прожитые вместе, привели их в тупик, где они стали друг другу чужими.

А для Шэнь Цзя они и вовсе превратились во врагов.

— А как же... мы? — пробормотал Юй Сянхан. Накопленное за месяцы раскаяние сменилось тупой выжженностью.

— Мы?

Уголок губ Шэнь Цзя чуть приподнялся в едва заметной, искривленной ухмылке, от которой его лицо стало ещё более отстраненным. Взгляд, когда-то даривший Юй Сянхану столько тепла, сейчас обжигал лютым морозом.

— Юй Сянхан, между нами больше ничего нет.

Он сделал паузу, чеканя каждое слово:

— И у тебя "потом" уже не будет.

— Родственники господина Чжоу Цзыфэй здесь?

Красная табличка над дверью операционной погасла. Створки разошлись, и уставший хирург, выходя в коридор, на ходу снял медицинскую маску.

Шэнь Цзя мгновенно бросился к нему. Чжоу Цзыхуань последовала за ним, успев одарить Юй Сянхана ледяным взглядом.

... В палате густо пахло антисептиками.

Чжоу Цзыфэй неподвижно лежал на койке. Ослепительно белая простыня делала его лицо мелом. Голова была забинтована плотным слоем марли, скрывающей привычный огненный ежик волос и дерзкий изгиб бровей. Насупленный и сильный, сейчас он казался настолько тихим, что становилось жутко. Лишь ритмичное пиканье монитора напоминало о том, что он жив.

Шэнь Цзя затаил дыхание и подошел ближе. Его пальцы зависли в воздухе.

Ему так хотелось прикоснуться к его щеке, почувствовать тепло, но в итоге он лишь осторожно провел костяшкой пальца по тыльной стороне ладони Чжоу Цзыфэй, в которую была вставлена капельница. Ледяная кожа обжгла подушечки пальцев, и выдержка, которую Шэнь Цзя так долго сохранял, мгновенно рассыпалась.

Горячие слезы молча потекли по щекам, падая на белоснежную ткань и оставляя на ней

темные круги.

Чжоу Цзыхуань стояла за его спиной. Окинув взглядом перебинтованную голову брата, она мягко положила руку на дрожащее плечо Шэнь Цзя.

— Шэнь Цзя... А тот, снаружи...

— Как с ним поступить?

Она говорила тихо, но им обоим не нужно было произносить имен.

Шэнь Цзя не обернулся. Его взгляд был прикован к обескровленному лицу Чжоу Цзыфэй — так, словно стоит ему отвести глаза, и тот исчезнет.

— Не нужно оглядываться на меня, — произнес он с глубоким вдохом. Голос его звучал абсолютно ровно. — Я хочу, чтобы он заплатил самую высокую цену.

Шэнь Цзя накрыл своей ладонью прохладную руку Чжоу Цзыфэй, будто пытаясь отдать ему всё своё тепло.

Чжоу Цзыхуань смотрела на хрупкую спину юноши. На мгновение в её глазах, столь похожих на глаза брата, промелькнуло сочувствие, которое тут же сменилось суровым металлом.

— Я поняла.

Голос Чжоу Цзыхуань смягчился, но в нем звучала твердая уверенность:

— Не переживай. Цзыфэй обязательно поправится.

Она слегка сжала его плечо — этот жест был одновременно и поддержкой, и молчаливым обещанием.

<http://bllate.org/book/19971/1986100>